

Александр НОВИК,

Марина ДОМОСИЛЕЦКАЯ

Цитрон в культуре и языке греков и албанцев Химары<sup>1</sup><https://doi.org/10.52603/rec.2023.33.03>

## Rezumat

## Chitru în cultura și limba grecilor și albanezilor din Himara

Rolul unor plante, mai ales semnificația plantei sacre chitru – *Citrus medica* (etrog în sărbătoarea evreiască Sukkot), este mai mult decât exagerat. În acest articol vom analiza chitrișii, care au fost cultivate în cantități comerciale în sudul Albaniei până la mijlocul secolului XX, când contactele culturale, etnice și economice ale locuitorilor din Himara (locuită de greci și albanezi) cu evreii din spațiul mediteranean erau mai apropiate. Studiul se bazează pe mai multe anchete petrecute în teren în decurs de mai mulți ani în Balcani (1994–2022) și pe materiale/documente de arhivă. Autorii analizează declinul și dispariția completă a tradiției de cultivare a chitrelor în Albania socialistă sub influența factorilor politici, sociali și ideologici. Persistența narațiunilor despre fosta bunăstare a așezărilor de pe coasta Ionică este legată de amintirile bătrânilor și ale oamenilor de vârstă mijlocie despre cultivarea chitruului pentru piața mediteraneană. Sunt descrise circumstanțele specifice ale vieții diasporei evreiești din Albania în perioada de după cel de-al Doilea Război Mondial. Toate fitonimile albaneze (*qitro*, *kitër*, *citron* etc.) și grecești (*κιτριά*, *κιτρό*, *τσιτρόνι* etc.) ale *Citrus medica* sunt analizate, etimologizate și comparate cu denumirile de chitru în alte limbi ale locuitorilor de pe coasta adriatică și cea ionică – italiană, aromână și croată.

**Cuvinte-cheie:** chitru, contacte culturale, albanezi, greci, limbi balcanice, împrumuturi, Sukkot, diaspora evreiască din Albania.

## Резюме

## Цитрон в культуре и языке греков и албанцев Химары

Роль некоторых растений, и особенно значение священного растения *цитрон* – *Citrus medica* (этрог в иудейском празднике Суккот), исключительно гипертрофирована. В статье речь идет о цитрусовом, которое выращивали в торговых объемах в Южной Албании ранее, до середины XX в., когда культурные, этнические и экономические контакты жителей Химары (греков и албанцев) с евреями Средиземноморья были особенно тесными. Исследование базируется на многолетних полевых изысканиях, проведенных на Балканах (1994–2022), и данных архивов. Авторы анализируют затухание и полное исчезновение традиции выращивания цитронов в социалистической Албании под действием политических, социальных и идеологических факторов. Устойчивость нарративов о прежнем благополучии поселений на Ионическом побережье тесным образом связана с воспоминаниями старожиллов и людей среднего возраста о выращивании цитрона для средиземноморского рынка. Описаны специфические обстоятельства жизни еврейской диаспоры в Албании в период после Второй мировой войны. Все албанские (*qitro*, *kitër*, *citron* и др.) и

греческие (*κιτριά*, *κιτρό*, *τσιτρόνι* и др.) фитонимы *Citrus medica* проанализированы, этимологизированы и сопоставлены с названиями цитрона в других языках, бытующих в Адриатике и на Ионическом побережье, – итальянском, арумьинском, хорватском.

**Ключевые слова:** цитрон, культурные контакты, албанцы, греки, балканские языки, заимствования, Суккот, еврейская диаспора в Албании.

## Summary

## Citron in the culture and language of the Greeks and Albanians of Himara

The role of some plants and especially the importance of the sacred plant citron – *Citrus medica* (etrog in the Jewish holiday of Sukkot) is extremely exaggerated. The paper deals with citron, which was cultivated in trading volumes in Southern Albania before the middle of the XX century, when Himariot/Albanian cultural, ethnic, and economic contacts with the Jews of the Mediterranean world were extremely intensive and close. The study is based on the archives' data and the field research during many years in the Balkans (1994–2022). The authors analyze the decay and complete disappearance of the tradition of growing citron in socialist Albania under the influence of political, social and ideological factors. The persistence of narratives about the former well-being of settlements on specific circumstances of the life of the Jewish diaspora in post-war Albania are described. All Albanian (*qitro*, *kitër*, *citron*, etc.) and Greek (*κιτριά*, *κιτρό*, *τσιτρόνι*, etc.) phytonyms for *Citrus medica* are analyzed, etymologized and compared with the names of citron in other languages of the Adriatic and the Ionian coast – Italian, Aromanian, Croatian.

**Key words:** citron, cultural contacts, Albanians, Greeks, Balkan languages, borrowings, Sukkot, Jewish diaspora in Albania.

Цель данного исследования состоит в описании бытования в традиционной культуре населения Химары (Южная Албания) цитрона, его роли в хозяйственных занятиях, религиозной жизни, а также в освещении лингвистических аспектов использования различных номинаций данного растения в языках как греков и албанцев, так и других народов Западных Балкан. Предмет изучения – история и практика выращивания цитрона на Балканах (с особым акцентом на албано-греческом пограничье) и их отражение в лексике.

## Введение

Цитрон (*Citrus medica*<sup>2</sup>) – одно из четырех древнейших цитрусовых на земле, существовавших еще до культивирования человеком, – наря-

ду с лаймом, помело и мандарином. Родом он с территории современных Индии и Пакистана, а также из Южного Китая. Полагают, что задолго до нашей эры это дерево проникло сначала в Западную Азию, а затем в течение сотен лет выращивалось на побережье Персидского залива. Немаловажную роль в этом процессе могли сыграть военные походы Александра Македонского и торговые связи вдоль Великого шелкового пути, в западной его части связывавшие Бактрию, Парфию и Ближний Восток (Cultural 2005). Из Восточного Средиземноморья растение проникло на юг Балкан и Апеннинского полуострова и закрепилось там, где это позволяют климатические условия, поскольку дерево очень теплолюбиво, с трудом выносит даже зимы Северного Средиземноморья.

Хозяйственное значение цитрона невелико. Плоды его мало применяются в пищу: они очень толстокожие (кожура достигает 3–5 см), горьковатые и кислые, мякоть малосочная. Из кожуры получают эфирное масло для отдушек, а из мякоти готовят варенье и цукаты. В Сицилии плоды цитрона, слегка посолив, едят в свежем виде (Corgia 2006: 471; Фаис-Леутская 2020: 129).

В Китае цитрон выращивался еще за 2500 лет до н. э., и поныне он входит в пласт культурно-значимых растений и несет в себе символику долголетия.

### 1. Символика растения. Растительный код иудейского праздника кущей и цитрон в иудаизме

Цитрон – одно из важных растений в иудаизме. Он входит в число четырех ритуальных значимых растительных компонентов многодневного праздника *Суккот* (праздника кущей), временной границы между засушливым летом и дождливой зимой. *Суккот* описывается в Торе как праздник нового урожая, который длится неделю с 15-го по 22-й день месяца тишрей (Амосова, Каспина 2018: 325). Наряду с Шавуотом и Песахом *Суккот* является одним из трех паломнических праздников, связанных с циклами сельскохозяйственного года и паломничеством в Иерусалимский храм (Исх. 23: 14–17, 34: 22; Лев. 23: 34–36, 39–43; Чис. 29: 12–38; Втор. 16: 13–15). В праздник *Суккот* было произведено освящение царем Соломоном Иерусалимского храма.

Куща (*сукка*) – это временное жилище, в котором, согласно традиции, евреи жили в пустыне. Правилам ее строительства посвящен трактат

«Сукка» в Талмуде. Такое жилище принято покрывать листьями или соломой, так чтобы сквозь них были видны звезды и мог проникать дождь. *Сукку* строили у каждого еврейского дома, каждый клойз и синагога также сооружали собственную *сукку* (Schoenfeld 1985: 100).

По мнению ряда исследователей, обычаи праздника восходят к архаическим практикам, связанным с верой в продуцирующую силу зелени (Носенко 2001). В книге Левит относительно праздника *Суккот* сказано: «Возьмите себе ветви красивых деревьев, ветви пальмовые и ветви деревьев широколиственных и верб речных, и веселитесь перед Господом Богом вашим семь дней» (Лев. 23: 39–43). Это предписание связано, очевидно, с аграрным характером праздника и с мотивом увеличения плодородия (Амосова, Каспина 2018: 327). В дальнейшей еврейской традиции эти растения называются *арба миним* «четыре сорта». К ним относится плод *этрог* (цитрон *Citrus medica*) (ивр. אֶתְרוֹג [эт́рог]), ветви *мирта* (*Myrtus*) и растения рода *ива* (*Salix*), а также листья *лулав* (финиковой пальмы *Phoenix*). Из обрядов и ритуалов праздника в литературе и в рассказах наших информантов, зафиксированных в разных странах Юго-Восточной Европы, встречается описание благословения *этрога*, *лулава* и остальных растений (АМАЭ 2015; 2017). Их иудейская символика такова: 1) мирт имеет запах, но не имеет вкуса, что символизирует людей, совершающих благие поступки; 2) финиковая пальма *лулав* имеет вкус, но не имеет запаха, что соотносится с людьми, которые соблюдают все законы Торы; 3) ива, не имеющая ни вкуса, ни запаха, является символом людей недостойных; 4) цитрон *этрог* имеет вкус и запах, что символизирует праведников.

Поскольку для многих бедных семей в Европе купить необходимые растения было сложно или невозможно, то во время праздника служка приносил из синагоги в дома евреев недостающие для комплекта составляющие для произнесения предусмотренных благословений, а потом уносил их к другим верующим.

### 2. Цитрон в экономике Албании. История вопроса

На юге Албании, в г. Саранде, где сохраняются грандиозные фундаменты синагоги V–VI в., свидетельствующие о пребывании здесь значительного числа иудеев, и в других населенных пунктах на побережье Ионического моря, где жите-

ли на протяжении около двух тысяч лет имели тесные контакты с евреями Средиземноморья (согласно археологическим данным и архивным документам), цитрон хорошо известен (Korkuti 2008: 35-36; Xhufi 2008: 40-53; Novik 2020: 342-343). До середины XX в. хозяйственная специализация сельских жителей региона Химары во многом была ориентирована на рынок потребителей-евреев, живущих на Ионических островах, в Далмации, а также на Ближнем Востоке (АМАЭ 2015: 27). К началу XX в. значительные площади сельскохозяйственных земель были засажены цитроном – культурой, знаковой для еврейской традиции. Растение устойчиво сохраняется в меморатах, фиксируемых у жителей Ионического побережья.

В наше время жители региона не могут сказать точно, когда началось массовое выращивание цитрона, многие информанты подчеркивают, что, возможно, культивирование растения происходило здесь всегда (АМАЭ 2015; 2018; 2019). Другие, напротив, утверждают, что высаживать цитрон стали относительно поздно, на рубеже XIX–XX вв., когда общая политическая и экономическая ситуация улучшилась после многих веков нестабильности, вооруженных стычек, господства пиратов на морских просторах между побережьем и Корфу, а также другими островами Ионического архипелага (Новик, Олексюк 2020: 22-25).

О прежнем периоде нестабильности свидетельствует и распределение населенных пунктов в Химаре (Joseph et al. 2019: 69-78).

*Наша Паляса<sup>3</sup> устроена наверху, поодаль от моря. Наши предки специально так сделали. Когда им было нужно, они могли быстро добраться до моря. Зато если на село напали пираты, жители Палясы их видели сверху сразу: пока те поднимались вверх по тропам, можно было подготовиться к обороне, укрыться в домах либо – на крайний случай – уйти в горы. Поэтому все настоящие поселки здесь так устроены. Это потом уже стали у края моря строиться, во времена, когда о торговле и туризме задумались. Первоначально химариоты у моря не селились [Информант: грек, 83 года, родом из Палясы] (АМАЭ 2017).*

Обеспечение безопасности мореплавания способствовало расширению торговых связей. Регион очень быстро включился в глобальную торговую сеть. Так, незначительное число еврейского населения (прежде всего в г. Влёре) не

могло вызвать на Ионическом побережье бума производства цитронов – местная еврейская диаспора обеспечивалась, по словам информантов, «условно и одним садом» (АМАЭ 2019). Когда благодаря развитию предпринимательства торговые отношения связали Химару с Далмацией, итальянскими городами, прежде всего Венецией, а потом и Ближним Востоком (с территорией Палестины), рыночная составляющая местного цитрусового производства стала определяющей.

Со времени переселения на Балканский полуостров в XVI в. еврей-сефарды смогли организовать хорошо продуманную систему торгового обмена между важными урбанистическими центрами Юго-Восточной Европы и Апеннинскими (Xhufi 2008: 40-53). Цитрон был одной из составляющих еврейской торговли. Однако поставки этого цитрусового к столам евреев в Венеции, далматинских городах и Палестине достигли солидных оборотов к XX столетию. Под эти задачи на определенный период было переориентировано почти все сельское хозяйство ряда населенных пунктов Химары – даже тех, где не проживали евреи (Novik 2020: 342-343). Благодатные почвы, обилие солнечных дней в году, мягкий климат позволяли собирать ежегодно стабильный урожай цитронов. Их цена выгодно отличалась от других цитрусовых. Это привело к тому, что участки земли вдоль Ионического моря в районе города Химары, сел Паляса, Кондракь и других были заняты цитроном, вытеснившим все другие культуры (Новик 2022: 162). Выращивали цитрон греки и албанцы, они же часто становились и торговыми посредниками в операциях по реализации урожая – при том, что вся схема обычно контролировалась коммерсантами-евреями.

Информант: *У нас раньше, в Химаре, все плодородные почвы были заняты этим цитроном. Наши предки его выращивали, а потом продавали евреям.*

Александр Новик: *А что они с ним делали?*

И.: *А этого мы не знаем. Что они делали, ели или как-то иначе употребляли.*

А. Н.: *И даже никогда не интересовались?*

И.: *Нет, не знаю почему, но не интересовались. На теперешний ум – так хоть бы спросил у родителей...* [Информант: грек, около 70 лет, родом из г. Химара] (АМАЭ: 2018).

Такое безразличие к сельскохозяйственной культуре, которая оставалась главным источни-



Рис. 1. Химариоты, информанты экспедиции, г. Химара. Сентябрь 2018 г. Фото А. А. Новика

ком дохода для многих семей, вызывает у нынешних информантов недоумение. Опрошенные нами химариоты (и греки, и албанцы) говорят, что в их семьях цитрон никогда не использовали: *Он же невкусный. Что с ним делать – мы не знали. Его только для каких-то целей собирали. И нам почему-то даже было неинтересно узнать, что с ним евреи делали* (АМАЭ 2019).

После прихода к власти в Албании Энвера Ходжи (1944) и установления тоталитарного режима границы были быстро перекрыты. Цитрон не находил сбыта на местном рынке, а потому его выращивание перестало быть сколько-нибудь выгодным и полезным. Посадки цитрона быстро извели и на их месте высадили апельсиновые, мандариновые и лимонные деревья, а также маслины, урожай которых был стабильно востребован во все времена и при любой политической конъюнктуре.

В период монизма албанские власти позиционировали Химару как цветущий край, который снабжает всю страну цитрусовыми, оливковым маслом и целебными травами. Осуществление планов государства было поручено созданным в 1940-е гг. по советскому примеру сельскохозяйственным кооперативам (Смирнова 2003: 260-264). Коллективные сельские производства объединяли земли недавних собственников и арендаторов земли, сами же собственники на них и трудились. Понятно, что сведение пахотных земель, садов и пастбищ в объединенные

хозяйства вызывало недовольство местных жителей. Однако репрессивная машина государства смогла побороть это сопротивление: за считанные годы Химара превратилась в конгломерат образцово-показательных хозяйств социалистической формы собственности. Нужно признать, что власти оказывали всевозможную поддержку кооперативам: на места прибывала техника (грузовики, уборочные машины и т. п.), поставлялись удобрения, оказывалась помощь кадрами – в первую очередь высокопрофессиональными специалистами, такими как агрономы, инженеры мелиорации, ветеринарные врачи и др.

Вместе с тем происходит коренной слом традиционного уклада жизни (ср.: Himara 2004). Химариоты, на протяжении столетий занимавшиеся разведением мелкого рогатого скота, выращивавшие маслины, цитрусовые, производившие мед, собиравшие дикорастущие травы и практиковавшие рыболовство, теперь вынуждены были заниматься тем, что диктовало государство, а именно – выращивать те культуры, которые были запланированы в Тиране. Цитрон, однако, бывший долгое время приоритетным в хозяйстве многих собственников земли, нацеленных на рынок, не попадает в эту систему государственного плана. Влияет существенным образом и тот факт, что строящее социализм государство наглухо закрывает границы, тем самым ограничив свободу передвижения своих

граждан (Рис. 1). Химариоты, на протяжении многих веков включенные в средиземноморскую торговлю, оказываются отрезанными от внешнего мира, который предоставлял им товары, услуги и рынки сбыта. Рушится вся система многолетних (а в ряде случаев многовековых) связей. Случай с лимоном является лишь частным примером, демонстрирующим упадок, а точнее деградацию отлаженного хозяйства, подвергнувшегося вмешательству чужих, продиктованных политическими интересами решений (Новик 2022: 161-162). Агрономы, получившие образование в столице, не по своей воле вынуждены были переориентировать сельское хозяйство Химары под нужды времени (ср.: Hasko 2013: 211-222).

Интересный факт: в годы «развитого» (как утверждали власти) социализма государство, столкнувшись с трудностями, иногда шло на компромисс – пытаясь поддерживать производство продукции, имевшей стабильный спрос на зарубежном рынке. Так, к примеру, происходило с маслинами. К концу эпохи монизма, в 1980-е гг., албанское правительство, ограниченное в валютных резервах, проводило такие экономические манипуляции: урожай маслин, собиравшийся в стране, шел на производство оливкового масла, которое частично выменивали на другое, более дешевое растительное масло в большем объеме у зарубежных партнеров. Государство, желая поддержать производителя, всячески способствовало выращиванию маслин и производству масла – от этого зависело благополучие граждан. Одновременно в Сельскохозяйственном институте в Тиране, а также в ряде других учебных заведений страны велась подготовка специалистов высшего и среднего звена по соответствующим специальностям, которые должны были обеспечить выполнение планов производства продовольственных культур.

С лимоном такой метаморфозы не произошло – власти не могли предусмотреть все источники, потенциально способные пополнить казну валютой. Бывшие студенты сельскохозяйственных учебных заведений вспоминают, что их преподаватели даже не упоминали такую культуру, как лимон (АМАЭ 2017). Это сказалось и на других общих знаниях о растении в стране. Лишь жители Химары вспоминают о том, что данная культура имела широкое распространение прежде и давала стабильный доход производителям. В других регионах албанцы мало что

знают о лимоне, более того, его название *qetro* нередко вообще незнакомо рядовому носителю языка либо известно как номинация растения, а о реалии, которая за ней стоит, они вообще не имеют представления (Рис. 2).

*Мы не знаем такого цитрусового. У нас всегда были лимоны, апельсины, мандарины. Без лимона я вообще не представляю, как можно приготовить хоть какой-нибудь суп. Лимон – это обязательно. А что такое лимон – я вообще не слышал. Он какой вообще на вкус?* [Информант: албанец, 53 года, из Пэрэньес, живет в Палясе] (АМАЭ 2017).

*Вот у нас теперь появились всякие зарубежные фрукты, овощи. Грейпфруты там всякие. А еще мандарины по-разному называются. Раньше – просто мандарины. А теперь, оказывается, у них много наименований. А суть все равно одна – мандарин! Может, и лимон – это то, что мы знаем, да просто название новое?* [Информант: албанец, 53 года, из Пэрэньес, живет в Палясе] (АМАЭ 2017).

### **3. Еврейская диаспора в социалистической Албании**

В контексте исчезновения лимона из культурного кода албанцев и греков Химары важен факт нивелирования, а точнее, как говорят информанты, «ухода в тень» еврейской диаспоры в годы строительства социализма. Присутствие евреев на территории современной Албании насчитывает – согласно имеющимся артефактам – около двух тысяч лет (Korkuti 2008: 35-36). Достаточно сильное в экономическом и общественном планах сообщество прошло через различные завоевания и исторические катаклизмы. Пережив относительно благополучно в Албании годы Второй мировой войны, итальянскую фашистскую, а затем немецкую нацистскую оккупацию, еврейская община как бы «растворилась» в годы правления коммунистов (Prania 2008). В стране, строившей социализм с атеистической доктриной при поддержке других зарубежных товарищей, а потом с опорой исключительно на собственные силы, выставлять напоказ свою конфессиональную и этническую идентичность было не только неуместно, но и небезопасно (Смирнова 2003: 331-332). Евреи, остававшиеся в стране после Второй мировой войны, быстро вливались в общество, которое постулировало отказ от прежних ценностей и идентичностей и придерживалось вектора развития с позиционированием прежде всего про-

летарских и социалистических устремлений, которые обязан был разделять каждый индивид. Это отрицание этнической принадлежности, конфессиональной отнесенности, исторических корней должно было привести, по замыслам идеологов нового строя, к складыванию новой политической, социальной и культурной общности.

К 1967 г., когда Албания была объявлена «первым в мире атеистическим государством», в стране не действовала ни одна синагога, службы не вел ни один раввин (Novik 2020: 352). Более того, была прекращена фактически любая деятельность, связанная с практиками иудаизма: исполнение религиозных обрядов, отмечаемые праздники, поддержание культовых мест и кладбищ. Жесткие карательные меры государства по отношению к религиозным институтам и служителям культа влияли на представителей всех конфессий, действующих в стране. Однако христиане и последователи пророка Мохаммеда нередко нарушали установленные запреты: в религиозные праздники, в важные семейные даты и т. п. втайне от властей люди совершали необходимые обряды. Так, например, на Пасху в христианских семьях красили яйца, мусульмане на Курбан-байрам приносили жертву и т. д. Главным условием при этом было сохранить тайну – чтобы агенты спецслужб не выдали властям, в этом случае за нарушение законов социалистического государства грозило суровое наказание. Евреи в такой экстремальной ситуации, таящей угрозу не только благополучию их семей, но и жизни, держались особо замкнуто и не позволяли возникнуть хотя бы поводу усомниться в том, что они строго исполняют все предписания власти предержащих. Если какие-то обряды и совершались, то в полном секрете от соседей и *чужих*, в узком кругу *своих*.

Нередкими в период строительства социализма в Албании были факты совместного отмечаемого того либо иного религиозного праздника представителями различных конфессий: речь идет прежде всего о Пасхе, Рождестве, Курбан-байраме, Рамазан-байраме, Неврузе и др. Официально они были под строжайшим запретом. В реальной жизни люди часто собирались вместе, чтобы их отметить. Христиане приглашали в гости, наряду с ближайшей родней и самыми доверенными друзьями, мусульман, в честность которых верили, а мусульмане приглашали своих друзей и родственников

христиан, в порядочности которых не сомневались. При этом были нередки случаи, когда в мусульманских семьях на Пасху красили яйца, а потом раздавали их своим ближайшим друзьям и родственникам, а христиане устраивали отмечаемые Невруза (АМАЭ 2015). Такие совместные праздничные мероприятия до сих пор вспоминаются в Албании как факт противостояния системе, как яркое исключение из общих правил серой унифицированной общественной системы (Novik 2020: 352). Причину такого положения дел нужно искать в исключительно пестром поликонфессиональном составе населения страны. Мусульмане – сунниты и бекташи, христиане – православные и католики на протяжении долгого времени проживали в албанских землях по соседству, они выработали механизмы в большой мере гармоничных отношений, к середине XX в. сложилась устойчивая тенденция к увеличению числа межконфессиональных браков, а с принятием курса на строительство социализма религиозная принадлежность вообще перестала считаться релевантной, особенно в среде молодежи и людей среднего возраста, в обществе неуклонно росло число убежденных атеистов (Смирнова 2003: 331). Все это приводило к ситуации, когда многие религиозные праздники и практики начинали восприниматься как дань традиции, веселые действия и не более того. Поэтому их старались отмечать напекор режиму.

Вместе с тем наши многочисленные информанты (не только в Химаре, но и в других регионах), не могут припомнить случаев, чтобы они отмечали каким-то образом еврейские праздники или памятные даты (АМАЭ 2018). Возможно, такие факты не были отмечены в силу малочисленности еврейской диаспоры в стране либо из-за чрезмерной замкнутости группы. Опрошенные нами респонденты не могут привести примера, когда они принимали участие в событии еврейской религиозной или культурной жизни. Праздник *Суккот* (Праздник кущей) вообще им неизвестен.

В этом ключе можно привести и другой пример. Так, в годы строительства социализма при всех запретах на религиозную жизнь мусульмане продолжали совершать обряд обрезания. При этом для прикрытия целей самой практики была выбрана стратегия на позиционирование обряда не как религиозного, продиктованного убеждениями либо традицией, а как хирургической

операции, имеющей гигиенические цели и направленной на поддержание чистоты. Мужское обрезание было частой практикой, его совершали в годы монизма хирурги в государственных клиниках, а не ходжи либо цирюльники, как было прежде. Среди евреев обрезание было обязательным, однако мы не находим следов в виде материалов или фактов, как еврейская община выходила из ситуации утаивания религиозной жизни от властей. По всей очевидности, обряд обрезания совершали на дому знающие дело люди, и такие факты не становились известными другим. В отличие от мусульман, которые после обряда, совершенного под видом хирургической операции в клинике, устраивали угощение для своих дома – и факт этот становился известным для круга посвященных, – евреи подобные практики не афишировали и всегда сохраняли в глубокой тайне.

#### 4. Цитрон в балканском контексте (фитонимия и фольклор)

Бытование национальных балканских фитонимов для довольно экзотического для Европы растения *Citrus medica* (цитрон) зависит от степени его интродуцированности в хозяйство того или иного народа. Так, в ряде языков такие фитонимы существуют, но как явление книжной письменной культуры, чуждой народной хозяйственной традиции: см. болг. *илимон*, *лимон*, *лимоново дърво* (Български 1986; Канисков 2015: 166, 212), рум. *chitră*, арум. *kitră* (плод), рум. *chitru*, арум. *kitru* (дерево) (Drăgulescu 2018: 50; Parahagi 1963: 718; Vrabie 2000: 198).

В языках же Адриатического и Ионического побережий, где местное население знакомо с выращиванием данной культуры – Южная Далмация (район Дубровника и близлежащие острова), Черногорское побережье, Албания (Саранда, Химара), Греция, – существуют локальные наименования растения, «подхваченные» общенациональным узусом и даже закрепленные в фольклоре. См. в этой связи народную черногорскую песню в записи Вука Караджича:

*Pala magla na Bojani,  
A svatovi na livadu,  
Tuda šeta mlada neve,  
U ruci jej žuta dunja,  
Žuta dunja i četruna:  
Žutu dunju mirisala,  
Četrunom se pometala*  
(цит. по: Šulek 1879: 55).

‘Упал туман на Бояну,  
А сваты на луг,  
Туда пошла гулять молодая невест(к?)а,  
В руке у нее желтая айва,  
Желтая айва и цитрон<sup>4</sup>:  
Желтую айву нюхала,  
Цитроном бросалась’.

По всей видимости, айва и цитрон, два круглых золотистых фрукта, в данном фольклорном тексте являются заместителями другого важного символа южнославянской свадебной обрядности – яблока как воплощения плодovitости, жизненного начала, любви, здоровья, красоты (Белова 2012: 608). Хотя брачная символика здесь налицо, однако конкретное смысловое наполнение детали *бросания* фруктов пока не совсем ясно. Во-первых, это может быть *бросание яблока* невестой в сторону новых родственников, которое затем делилось между всеми присутствующими в знак породнения семей. Во-вторых, *бросание яблока* невестой могло нести в себе и продуцирующую семантику: девушка кидала несколько яблок, чтобы иметь в браке много детей, и, судя по тому, как далеко падали от нее яблоки, делали вывод о том, легкими или трудными будут ее роды (Белова 2012: 609). Интересно, что в ряде мест в ритуале сватовства фигурировал такой сюжет: в знак принятия брачного предложения на стол в доме невесты ставили сладкие яблоки, при отказе – кислые (Белова 2012: 608). Вероятно, в данной песне такую оппозицию заполняли сладкая айва и кислый цитрон. А может быть также, что яблоко как эмблема брачного союза и важный элемент предсвадебной и свадебной обрядности был здесь заменен на единый, но структурно разложимый образ двух как бы парных крупных золотистых плодов – айвы и цитрона.

В перспективе дальнейшей работы предполагается, по мере возможности, обнаружить следы бытования образа цитрона в фольклоре Южной Албании и Северной Греции.

#### 5. Этимология балканских наименований цитрона

В латинском языке *citrus*, *-ī* имеет ныне два весьма далеких значения – ‘африканская туя’ (ср. греч. *κέδρος*) и ‘цитрусовое дерево’<sup>5</sup> (ср. греч. *κίτριον*). С нашей точки зрения, скорее всего в данном случае имеет место разошедшаяся до омонимии полисемия. Под африканской туей



Рис. 2. Цитрусовые на рынке. Голем, округ Каваля. Сентябрь 2021 г. Фото А. А. Новика

(«словарное» определение, см.: Дворецкий, Корольков 1949: 169) понимается *Tetraclinis* (тетраклинис, сандараковое дерево, берберийская туя) – невысокое вечнозеленое хвойное дерево семейства кипарисовых, произрастающее на севере Африки в Атласских горах, а также в Испании. Застывшая смола его – *сандарак* – еще латинянами применялась в качестве ладана. В основе обозначения латинянами обоих растений, туй и цитруса, было, вероятно, понятие об очень сильном несладком запахе, поражавшем их, – это аромат курящейся смолы сандарак и сильно пахнущей цедры цитрона.

По мнению исследователей, лат. *citrus* не является заимствованием из древнегреческого. Авторы, касавшиеся этого вопроса, предполагают, что либо и латинское, и греческое слово были независимо заимствованы из какого-то неиндоевропейского языка (возможно, из этрусского), либо греческие фитонимы проникли в язык из латыни, где есть такие слова, как *citreum* ‘плод лимона’, *citrum* ‘цитрусовое дерево’, *citreus* ‘лимонный, цитрусовый; сделанный из туевого дерева’, *citratu* ‘прикрытый листьями цитруса’ и др. (Ernout, Meille 1967: 124; Chantraine 1970: 536; Skok 1971: 254, 269; Vinja 1998: 96; Šugar 2008: 96). П. Скок считал, что созвучие хорв. *citar* и *cedar* тоже неслучайно и обосновано сложным параллельным путем проникновения: *cedar* < итал. *cedro* ‘цитрон; бергамот – результат скрещивания померанца<sup>6</sup> и цитрона’ < *ή κίτρεα, το κίτριον* ‘цитрус – плод и дерево’ (Skok 1971: 254) и *citar* < итал. *cedro* ‘кедр’<sup>7</sup> < *κέδρο(ς)* ‘кедр’ (Skok 1971: 269).

Славянскими фитонимами Адриатического региона можно считать: хорв. *četrin, četrina, čidrun, čedrun, citrona, citrun* (Šulek 1879: 43, 49, 55, 56, 509), *cedrîn, cêdar, cedrîn* (о. Вис), *cestrîn* (Божава на о. Дуги-Оток), *čentrîn, -una* (о. Корчула), *zedro, cedrin* (о. Млет) (Vinja 1998: 96; Šugar

2008: 96) и черногор. *четруна* (Чайкановић 1985: 312).

Латинско-греческое именование цитрусовых деревьев (*citrus, κίτριον*) не без влияния итальянской семантики близкозвучащих и родственных слов – *cedro* ‘цитрон, бергамот’ и *ceciolo* ‘огурец’ – повлияло на формирование еще одной, казалось бы, удивительной полисемии хорв. (центральное Адриатическое побережье, район Шибеника) *če(n)trun* (? < лат. *citrus*): ‘1. *Citrus medica* цитрон; 2. *Cucurbita citrullus* арбуз’ (Šulek 1879: 55; Vinja 1998: 97). Дело в том, что, во-первых, итал. *ceciolo* обозначает растение семейства тыквенных *Cucumis sativus* (огурец), которое мы поедаем в несозревшем виде, в зрелом же состоянии плоды его приобретают ярко-желтый цвет, в частности, как у цитрона. Во-вторых, наименование рода арбуз семейства тыквенных в латинской номенклатуре устоялось как *Citrullus*, что тоже восходит к лат. *citrum* ‘цитрусовое дерево’. По всей видимости, сближение двух растений также строится на ассоциации по цвету: средиземноморский предок современного арбуза колоцинт *Citrullus colocynthis* (< лат. *citrullus* букв. ‘лимончик, лимончиковый’ + *colocynthis* ‘колоцинт, горькая тыква’ < др.-греч. *κολοκύνθη, κολοκύνθα* ‘тыква’); он имеет шарообразные плоды размером с лимон, которые в созревшем состоянии покрыты соломенно-желтой кожурой.

Интересно отметить, что хорватский язык при заимствовании итальянизмов «избавился» от присутствующей в латыни (*citrus*) и в итальянском (*cedar*) омонимии в выражении понятий «кедр» и «цитрон».

Особняком в регионе стоит тур. *ağaç kavunu* букв. ‘дерево тыква’ – собственное именование растения по его самым крупным цитрусовым плодам в Средиземноморье.

## 6. Наименования цитрона на албано-греческом пограничье

В более южном регионе Балкан обнаруживаются следующие фитонимы для наименования *Citrus medica*: нгр. *κίτριά* (плод), *κίτριον* (дерево), алб. *qitro, -ja* (тоск.), *qitrë, qitër* (Химара), *kitër, kitrë* (алб. Греции) (Mitrushi 1955: 246; Krasniqi et al. 2003: 74).

С определенной долей уверенности можно сказать лишь то, что в арумьском слово *kitru*, также присутствующее в этом районе, явно греческого происхождения (Papaahagi 1963: 718). Далее остается констатировать следующее: до-

вольно трудно решить, являются ли алб. *qitër* и нгр. *κίτριά, κίτρό(ν)* продолжением латинского наследия или древнегреческого. Идеи о латинском источнике для нгр. *κίτρό* придерживается Н. Андриотис (Ανδριώτης 1967: 157). Также к латинскому происхождению в албанском склоняются: (Sejdiu 1984: 105; Elsie 1998: 187; Orel 1998: 362); исключительно как заимствование в алб. из новогреческого рассматривает К. Топалли (Topalli 2017: 1224). Можно предположить, что алб. формы *qitro, -ja* f. восходят к греческому, а *qitër, kitër, kitrë, -ra* f. – к латинскому, причем заимствованы целиком из лат. *citrum* с невычленимым формантом *-(ë)r*. Поэтому неоправданным считаем аргумент Р. Элси о том, что эти названия встраиваются в ряд иных албанских наименований деревьев с суффиксом *-ër* (*ashër* ‘конский каштан’, *bafër* ‘терпентинное дерево’, *boshtër, fyshhtër* ‘форсайтия европейская’, *bujgër* ‘македонский дуб’, *bungër* ‘дуб Фрайнетто’, *frashër* ‘ясень’ и др.), которые действительно являются исконными и имеют характерный суффикс *-ër*, присоединяемый для формирования названий крупных деревьев.

Обнаруженные в процессе полевой работы южноалб. и нгр. формы *citron* и *tsitroni* (АМАЭ 2016; Новик 2022: 163-166) напрямую свидетельствуют о канале и направлении вывоза фрукта из региона – в еврейскую диаспору Далмации, Ионических островов и Италии, а возможно, и Ближнего Востока. По-видимому, они представляют собой непрофессиональную разговорную контаминацию итал. *cedro* ‘цитрон’ и *citron* ‘цитрус’. Слова могли также образоваться в речи непосредственных участников бизнес-процесса под воздействием стремления к европеизации терминологии – ср. англ. *citron*, словен. *citron* ‘цитрон’.

### Выводы

На протяжении длительного периода до середины XX в. грекоязычное и албаноязычное население Ионического побережья современной Албании в торговых объемах выращивало цитрон, пользовавшийся неизменным спросом среди евреев как запада Балканского полуострова, так и других регионов Средиземноморья. Потребление фрукта в самой Албании было ограничено ввиду малочисленности еврейской диаспоры – так, к началу 1990-х гг., по экспертной оценке, в стране проживало около 500 евреев. Тесные экономические связи, установленные греками Химары с далматинскими городами, Венецией, Ближним

Востоком, позволяли экспортировать цитрон, обладающий низкими вкусовыми качествами, но исключительно востребованный иудеями во время праздника Суккот, что обеспечивало стабильно высокие доходы химариотов. Установление режима монизма в Албании с 1944 по начало 1990-х гг. привело к разрыву прежних экономических и культурных связей, посадки цитрона были выкорчеваны и заменены другими сельскохозяйственными культурами, однако воспоминания о роли растения в жизни региона сохраняются до настоящего времени. В лексическом отношении номинации *Citrus medica* в идиомах (греч. и алб.) химариотов демонстрируют факт их заимствования из греческого и латыни, а также способность к конструированию неологизмов в силу разнообразных языковых и культурных контактов с различными регионами Средиземноморья – прежде всего Апеннин. Устойчивость нарративов о прежнем благополучии поселений на Ионическом побережье Албании тесным образом связана с воспоминаниями старожилов и людей среднего возраста о выращивании цитрона для рынка «евреев всего Средиземноморья».

### Примечания

<sup>1</sup> Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 19-18-00244].

<sup>2</sup> Видовой эпитет *medica* установлен К. Линнеем, опирающимся, скорее всего, на описание этого плода Теофрастом в его «Истории растений» (Θεόφραστος “Περὶ φυτῶν ἱστορία”). Теофраст утверждал, что фрукт произрастает в Мидии и Персии, и называется он ‘мидийское или персидское яблоко’ < *Mēdia* ‘Мидия’. Рекомендовал он его как средство от малярии, для освежения дыхания, а также как рвотное средство при отравлении. См. его же название у Плиния (Plinius Maior “Naturalis historia”) – *nata Assyria malus* ‘ассирийское яблоко’. Ученый также советовал применять данный плод как противоядие при отравлении, а перед употреблением предлагал предварительно полить уксусом.

<sup>3</sup> Селение Паляса расположено в 13 км от г. Химара (округ Влёра, Ионическое побережье юга Албании), на высоте около 600 м над уровнем моря.

<sup>4</sup> Учитывая условность и фольклорность образа, пропустим юмористический комментарий по поводу удерживания в одной женской ладони

двух крупных плодов.

<sup>5</sup> Цитрус – родовое понятие, объединяющее такие вечнозеленые деревья и кустарники, как лимон, лайм, апельсин, мандарин и пр. Однако в европейской традиции часто заменяет более узкое понятие ‘лимон’.

<sup>6</sup> Померанец, в свою очередь, – гибрид мандарина и помело.

<sup>7</sup> См. по сути разнокорневые итал. *cedraia* ‘посадки цитрусовых’, *cedria* ‘смола ливанского кедра’, *cedrone* ‘бергамотовый сироп’ (бергамот – результат скрещивания померанца и цитрона).

### Литература / References

АМАЭ – Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. 2015 № 2255; 2016 № 2272; 2017 № 2274; 2018 № 2280; 2019 № 2284; 2022 № вр. б/н.

Амосова С. Н., Каспина М. М. 2018. Календарные праздники. В: Евреи. Отв. ред. Т. Г. Емельяненко, Е. Э. Носенко-Штейн; ИЭА РАН; Ин-т востоковедения РАН. Серия Народы и культуры. Москва: Наука, с. 318-344. / Amosova S. N., Kaspina M. M. 2018. Kalendarnyye prazdniki. V: Yevrei. Отв. ред. Т. Г. Yemel'yanenko, Ye. E. Nosenko-Shteyn; IEA RAN; In-t vostokovedeniya RAN. Seria Narody i kul'tury. Moskva: Nauka, s. 318-344.

Белова О. В. 2012. Яблоко. В: Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5 (Ск–Я). Москва: Международные отношения, с. 608-611. / Belova O. V. 2012. Yabloko. V: Slavyanskiye drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar' pod obshch. red. N. I. Tolstogo. T. 5 (Sk–Ya). Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya, s. 608-611.

Български 1986: Български етимологичен речник. III. Ред. В. Георгиев. София: Издателство на Българска академия на науките. / Bŭlgarski 1986: Bŭlgarski etimologichen rechnik. III. Red. V. Georgiev. Sofiya: Izdatelstvo na Bŭlgarska akademiya na naukite.

Дворецкий И. Х., Корольков Д. Н. 1949. Латинско-русский словарь. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. / Dvoretzkiy I. KH., Korol'kov D. N. 1949. Latinsko-russkiy slovar'. Moskva: Gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey.

Канисков В. 2015. Съкровищница на българската народна медицина. III. Ботанически речник – основи. София: Изток–Запад. / Kaniskov V. 2015. Sŭkrovishtnitsa na bŭlgarskata narodna

meditsina. III. Botanicheski rechnik – osnovi. Sofiya: Iztok–Zapad.

Новик А. А. 2021. Фитоним и феномен: трудности перевода в албанско-греческом пограничье (Химара, Южная Албания). В: Стратегии межбалканской коммуникации: Перевод. Пересказ. Умолчание. Отв. ред. И. А. Седакова, ред. М. М. Макартцев, Т. В. Цивьян. Серия Балканские чтения, 16. Москва: Институт славяноведения РАН: Индрик, с. 89-94. / Novik A. A. 2021. Fitonim i fenomen: trudnosti perevoda v albansko-grecheskom pograniich'ye (Khimara, Yuzhnaya Albaniya). V: Strategii mezhbalkanskoy kommunikatsii: Perevod. Pereskaz. Umolchaniye. Отв. ред. I. A. Sedakova, red. M. M. Makartsev, T. V. Tsiv'yan. Seria Balkanskiye chteniya, 16. Moskva: Institut slavyanovedeniya RAN: Indrik, s. 89-94.

Новик А. А. 2022. «Где слог найду, чтоб описать»: растительные феномены и фитонимы в Химаре. В: Стратегии межбалканской коммуникации: перевод. Отв. ред. И. А. Седакова, ред. М. М. Макартцев, Т. В. Цивьян. Москва: Институт славяноведения РАН (Материалы круглого стола ЦЛИ Balcanica. 7), с. 160-176. / Novik A. A. 2022. "Gde slog naydu, chtob opisat'": rastitel'nyye fenomeny i fitonimy v Khimare. V: Strategii mezhbalkanskoy kommunikatsii: perevod. Отв. ред. I. A. Sedakova, red. M. M. Makartsev, T. V. Tsiv'yan. Moskva: Institut slavyanovedeniya RAN, (Materialy kruglogo stola TSLI Balcanica. 7), s. 160-176.

Новик А. А., Олексюк Д. С. 2020. Рукописный сборник Михалиса Лялюци (грекоязычное село Паляса, Южная Албания). В: Кафедра византийской и новогреческой филологии, № 6, с. 22-32. / Novik A. A., Oleksyuk D. S. 2020. Rukopisnyy sbornik Mikhailisa Lyalyutsi (grekoazychnoye selo Palyasa, Yuzhnaya Albaniya). V: Kafedra vizantiyskoy i novogrecheskoy filologii, no 6, s. 22-32. [https://doi.org/10.29003/m1362.2658-7157.2020\\_6/22-32](https://doi.org/10.29003/m1362.2658-7157.2020_6/22-32)

Носенко Е. Э. 2001. «...Вот праздники Бога». Москва: Восточная литература. / Nosenko Ye. E. 2001. "...Vot prazdniki Boga". Moskva: Vostochnaya literatura.

Смирнова Н. Д. 2003. История Албании в XX веке. Москва: Наука. / Smirnova N. D. 2003. Istoriya Albanii v XX veke. Moskva: Nauka.

Фаис-Леутская О. Д. 2020. «Уличная кухня» в Сицилии: культурно-гастрономические, социальные, гендерные абрисы выживающего феномена. В: Вестник антропологии, № 1, с. 115-134. /

Fais-Leutskaya O. D. 2020. "Ulichnaya kukhnya" v Sitsilii: kul'turno-gastronomicheskoye, sotsial'noye, gendernoye abrisy vyzhivayushchego fenomena. V: Vestnik antropologii, no 1, s. 115-134.

Čajkanovič V. 1985. Речник српских народних веровања о биљкама. Београд: Српска академија наука и уметности. / Čajkanović V. 1985. Rečnik srpskih narodnih verovanja o biljkama. Beograd: Srpska akademija nauka i umetnosti.

Chantraine P. 1970. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. T. II. Paris: Klincksieck.

Coria G. 2006. Profumi di Sicilia. Il libro della cucina siciliana. Catania: Cavallotto.

Cultural 2005: Cultural History of Plants. Eds. Sir G. Prance, M. Nesbitt. London: Routledge.

Drăgulescu C. 2018. Dicționar de fitonime românești. Sibiu: Editura Universității „Lucian Blaga”.

Elsie R. 1998. Dendronymica albanica, a survey of Albanian tree and shrub names. In: Zeitschrift für Balkanologie, no 34, 2, p. 163-200.

Ernout A., Meillet A. 1967. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. Paris: Librairie C. Klincksilck.

Krasniqi F., Ruci B., Vangjeli J., Susuri L., Mullaj A., Pajazitaj Q. 2003. Fjalor i emrave të bimëve. Dictionary of plant names. Tiranë: Akademia e shkencave e Republikës së Shqipërisë. Instituti i Kërkimeve Biologjike; Prishtinë: Akademia e shkencave dhe e arteve e Kosovës. Seksioni i Shkencave të Natyrës.

Hasko B. 2013. Vëzhgim mbi ushqimin tradicional të Bregut të Detit. In: Kultura popullore, No 1–2, f. 211-222.

Joseph B., Novik A., Sobolev A. N., Spiro A. 2019. Greek and Albanian in Palasa and Environs: A Report from the Field. In: MGDLT. Modern Greek Dialects and Linguistic Theory. Proceedings of the international conference series of Modern Greek Dialects and Linguistic Theory. Vol. 8, no. 1, p. 69-78.

Himara 2004: Himara në shekuj. Eds. L. Nasi et al. Tiranë: Akademia e Shkencave e Shqipërisë; Botimet TOENA.

Korkuti M. 2008. Bazilika e sinagoga e Sarandës. In: Prania historike dhe shpëtimi i hebrenjeve gjatë Luftës (Studime e dokumente). Ed. Sh. Sinani. Tiranë: albPAPER, f. 35-39.

Mitrush I. 1955. Drurët e shkurret e Shqipërisë. Tiranë: Instituti i shkencave.

Novik A. 2020. The Jewish Population in Albania

and Kosovo in the 20th Century: Historical Presence and Modern Situation. In: The Balkan Jews and the Minority Issue in South-Eastern Europe. Conception and Academic Edition Jolanta Sujecka. Warsaw – Bellerive-sur-Allier: Faculty of “Artes Liberales” University of Warsaw; DiG; La Rama, (Colloquia Balkanica. Vol. 7), p. 341–358. <http://orcid.org/0000-0002-1123-1109>

Papahagi T. 1963. Dicționarul dialectului aromân general și etimologic. București: Editura Academiei Republicii Populare Romîne.

Prania 2008: Prania historike dhe shpëtimi i hebrenjeve gjatë Luftës (Studime e dokumente). Ed. Sh. Sinani. Tiranë: albPAPER.

Schoenfeld J. 1985. Shtetl Memoirs: Jewish Life in Galicia under Austro-Hungarian Empire and in the reborn Poland 1898–1939. Hoboken N. J.: Ktav Publishing House.

Sejdiu Sh. 1984. Fjalorth etnobotanik i shqipes. Prishtinë: Rilindja.

Skok P. 1971. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I. Zagreb: Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti.

Šugar I. 2008. Hrvatski biljni imenoslov. Zagreb: Matica Hrvatska.

Šulek B. 1879. Jugoslavenski imenik bilja. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.

Topalli K. 2017. Fjalor etimologjik i gjuhës shqipe. Tiranë: Qendra e studimeve albanologjike; Instituti i gjuhësisë dhe i letërsisë.

Vinja V. 1998. Jadranski etimologije. Jadranski dopune Skokovi etimologijskom rječniku. Kn. I. Zagreb: Hrvatska Akademija znanosti i umjetnosti; Školska knjiga.

Vrabie E. 2000. An English-Aromanian (Macedo-Romanian) Dictionary. Trumbull: The University of Mississippi.

Xhufi P. 2008. Gjurmë të pranisë së hebrenjeve në Shqipëri gjatë Mesjetës. In: Prania historike dhe shpëtimi i hebrenjeve gjatë Luftës (Studime e dokumente). Ed. Sh. Sinani. Tiranë: albPAPER, f. 40-53.

Ανδριώτης Ν. Π. 1967. Ετυμολογικό λεξικό της κοινής νεοελληνικής. Θεσσαλονίκη: Α.Π.Θ. / Andriótis N. P. 1967. Etymologikó lexikó tis koinís neoellin'kís. Thessaloníki: A.P.TH.

**Alexander Novik** (St. Petersburg, Federația Rusă). Doctor în istorie, Profesor asociat, Centrul de Studii Europene, Muzeul de Antropologie și Etnografie “Petru cel Mare” (Kunstkamera),

Academia de Științe a Rusiei, Universitatea de Stat din St. Petersburg.

**Александр Новик** (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Кандидат исторических наук, доцент, Центр европейских исследований, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Российская академия наук, Санкт-Петербургский государственный университет.

**Alexander Novik** (St. Petersburg, Russian Federation). PhD in History, Associate Professor, Center for European Studies, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, St. Petersburg State University.

**E-mail:** njual@mail.ru

**ORCID:** 0000-0002-1123-1109

**Marina Domosiletskaya** (St. Petersburg, Federația Rusă). Doctor în filologie, Institutul de studii lingvistice, Academia de Științe a Rusiei.

**Марина Домосилецкая** (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Кандидат филологических наук, Институт лингвистических исследований, Российская академия наук.

**Marina Domosiletskaya** (St. Petersburg, Russian Federation). PhD in Philology, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences.

**E-mail:** marinaling@mail.ru

**ORCID:** 0000-0002-5599-7878